

Борис
ЕВСЕЕВ

Борис
ЕВСЕЕВ

Казнённый
КОЛОКОЛ

Москва
2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е25

Оформление серии *Ф. Барбышева, А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *Ф. Барбышева*

Евсеев, Борис Тимофеевич.

Е25 Казнённый колокол / Борис Евсеев. — Москва :
Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Странствия души.
Проза Бориса Евсеева).

ISBN 978-5-699-92761-6

Дон-бас-с-с... Дон-дон-бас-с-с! — звучит колокол. Из него выломали язык, его утопили в Северском Донце (по Геродоту — в Сиргисе), но над терриконами и перелесками, над Донецком и Енакиево, над разрушенными домами и полыхающими пожарами плывет неумолчный голос Новороссии.

«Повествование в рассказах» Бориса Евсеева, вызванное к жизни путешествием писателя по родным ему краям в апреле 2016 года, носит подзаголовок «Страсти по Донбассу». «Страсти» звучат как Пассионы Баха, тромбон смешного музыканта Кити обращается в ангельскую трубу, возрождается и звучит легендарная скифская арфа, перебиваемая голосами множества людей, птиц и рептилий, — вся эта волшебная музыка слышна в новой книге Евсеева.

УДК 821.161.1-3

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© **Евсеев Б., 2016**

© **Оформление.**

ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-92761-6

Страсти по Донбассу

Среди низости и безумия, среди мировых мусорных куч, на краю быющей в судорогах Европы островок чистоты и пригожества — Донбасс.

Понимаю: скользкий взгляд путешественника цепляет часто лишь внешнюю сторону. Понимаю: так вот сразу — судить нельзя. Однако изменить впечатлений о Донбассе сегодняшнем — не могу.

Оно и понятно. Впечатление — не мысль, которую можно вывернуть наизнанку, как медицинскую перчаточку, набив ее под завязку мелким колющим сором, лжицей и вывертами, чтобы потом эту перчаточку-мысль и сыпанувший из нее сор накрыть водонепроницаемым кошаком, объявив любую кривду решенным делом и бесспорным фактом.

Ну а впечатления, они на то и даются, чтобы врезаться намертво, врезаться так, чтобы никогда не изгладись из памяти, не изменились до неузнаваемости люди и лица, химеры и тени, повстречавшиеся мне весной шестнадцатого года в Донбассе.

Они и сейчас рядом со мной:

- мальчик, несущий перед собой наколотого на тончайшую щепку темно-лилового червя, и бровью не

ведущий на близкие и далекие разрывы, знать не желающий ни сверстников, ни военных, ни надоевших взрослых;

- гуттаперчевая улыбка столетней бабы Люни, ласково зовущей миномет, ведущий ответный огонь близ аэропорта имени Сергея Прокофьева, «Василек» и «Вась-Вась Иваныч»;
- ополченец-интеллигент в очках, сперва выкладывающий на крышу старенькой «Таврии» автомат Калашникова и лишь потом застенчиво выставляющий из машины ногу в лаковом концертном полуботинке фирмы IMAC;
- дробно ухающий смех речного филина над местами боев под Мариуполем;
- желто-коричневый, с голубоватым отливом, до оторопи живой полоз, мелькнувший у обгорелого кургана близ Ясиноватой...

И, конечно же, сопровождавшая всех этих людей, рептилий, птиц хоровая и симфоническая музыка: от Баховских «Страстей по Матфею» до сжатых Пассионов, проще говоря, кратких ораторий собственного сочинения — этаких своеобразных «Страстей по Донбассу», — сопутствовавших мне во время всей поездки, возникавших подспудно, звучавших постоянно...

Все это трудно перевернуть, нельзя переkreпить и выбросить из головы невозможно.

Донбасс нашего времени, как та громадная «коза» (так зовут здесь вагонетку со снятыми задними и передними бортами, предназначенную для доставки шахтеров по наклонным выработкам), — Донбасс со всем своим скарбом, коногонками, тормозками снова и снова врывается на полном ходу в мою жизнь.

О, Донбасс! О, наивный и светлый!

Угольная земля, угольный воздух — и этим углем до-
бела очищенные, часто сверкающие небывалой целью-
стью и чистотой людские судьбы...

Донбасс нашего времени — спокоен и тверд. Воля
к новой жизни наполняет его реки, холмы, терриконы,
озера.

Могут ли напор и воля перетекать в ландшафты, пе-
редаваться природе края? Могут ли страсть и слово ове-
ществиться: стать переулками, домами, бесстрашными
поступками, новыми лугами, посевами?

Здесь, в этих местах, — могут.

Дорога. Мертвый енот, надкушенная брюква

— *Ш*евелись, мимоезжие! Очередь ждать не будет! Давай, давай, себе помогай! Ну, чего рты раззявили? Паспорта достали, вещи выложили! Моя б воля, я б вас!..

Крик низенького горластого пассажира, мячиком катавшегося туда-сюда вдоль очереди на КПП «Успенка», пассажира, на которого все смотрели как на последнего имбецила, а он себя, видимо, считал высшим судьей над пограничными законами и правилами, еще долго стоял в ушах.

Но только лишь расстелилась перед нами дорога — стали замирать возня и крики, стали нарастать в ушах новые звуки, новые слова, новый далекий гул...

Что нынешний, шестнадцатый год — високосный и для жизни людей опасный, вспомнил я только на территории непризнанной республики, уже пройдя паспортный и пограничный контроль. Обернувшись, посмотрел на железный купол, которым был накрыт погранпункт: он весь был истыкан мелкими рваными дырками.

Почти все крупные дыры и проломы, как нам позже объяснили, давно залатали, мелкие — остались...

Машина наша все еще стояла в очереди на выезд.

Я снова вернулся под купол и задрал голову вверх — стало видно изодранное в клочки небо. Да и сам купол — высокий, изящно выгнутый — в тот миг тоже показался небом.

Такое вот «небо» в дырках...

Отрываешь глаза от неба — и сразу пограничники, таможенники, жучки и жучилы, продавцы и водители фур...

Форма российских погранцов и таможенников, с которыми только что расстались, с иголки. А вот пограницы и таможенники ДНР одеты разномастно: кто в камуфляже, кто в джинсах и ветровках, один в смешной, серо-бархатной, сильно вытертой жилетке.

Почти у всех дзэнэровцев на плечах и под мышками — «весла»: так здесь зовут полноценные автоматы со всем полагающимся снаряжением. «Укоротов» — короткоствольных автоматов — тут не признают.

У таможенников — специальные зеркала на черных курьих ножках. Лезут ими во все потаенные места.

Дорога после КПП, на донбасской стороне, отличная! Просто глазам не веришь. Говорят, Янукович строил, лично интересовался. Думал до самого Донецка такую дорожку проложить. Не получилось: километров через тридцать начинается все та же привычная и для России, и для Донбасса дорога в ямах, ямках, колдобинах.

Чуть вдалеке мерцает слюдой и кварцем Донецкий краж. По обочинам попадают желто-серые камни: изрешеченные, изрытые крупными и мелкими осколками, они заставляют вздрагивать.

Тела камней изуродованы. А как с людскими телами, как с душами?

Деревьев по сторонам дороги мало, все большие кусты. Но кусты густые, высокие. Целый полк можно спрятать. Прямо какая-то Северная Мексика: заросли чапареля и ухмыляющийся усатый Панчо Вилья за ними...

Ехали через Иловайск. Здесь шли страшные бои, но вся разруха уже собрана в кучи, спрятана, отштукатурена.

Кое-где — груды битого шифера. Попадаются заклеенные крест-накрест окна. Почти все разбитые и проломленные крыши перекрыты заново. Просто-таки сверкают новизной. В одном месте — вмятая в камни боевая машина пехоты. Многие участки дорог близ Иловайска иссечены осколками, покрыты мелкими и крупными воронками от попаданий снарядов и мин.

Водитель Миша — щедрый, очень хорошо обеспеченный донецкий предприниматель — объяснил разницу между воронками от мин и от снарядов. Первые — с рваными краями, вторые — глубже, шире, и края у них ровные.

Сразу за Иловайском, чуть в стороне, заметил два огромных окопа. Миша пояснил: в этих окопах стояли врытые в землю танки.

Перед Амвросиевкой неожиданно въехали в аллею обгорелых деревьев.

Все они были срезаны огнем, как по линейке. Аспидно-черные, как сожженные души, заостренные, искаленные, эти деревья тянулись к небу, но сразу же в безнадеге и замирали.

В одинаковости судеб этих сгоревших деревьев почудилось что-то злобно-механическое, до тошноты одинаковое, в обычной жизни всеми здоровыми существами и многими людьми отторгаемое.

Я видел лесные пожары, видел горящие леса на Дальнем Востоке, видел полыхающие — то колыхаемые всем массивом из стороны в сторону, то наступающие огненным валом прямо на растерянных людей — сухие заросли камышей в низовьях Днепра и Волги.

И огнепал, и стихийные пожары всюду были на особицу, то есть были разновеликими и разнообразными. А здесь — все под одну гребенку!

Острые торчащие из земли карандаши с хищными грифелями, готовые вырисовать что-то неочевидное, невысказываемое, то, что есть в них самих, и то, о чем никто из посторонних хорошо сказать не умеет. Даже если это работники ЖКХ так срезанные огнем деревья заострили, все равно стало не по себе. Какое-то злобное и небожественное, какое-то дьявольски военизированное инобытие — воткнулось сразу двумя спицами под ребра...

Показалось: в нынешней тихой, по-звериному затихшей войне, которая пока чувствовалась только кожей, а нутром еще нет, не чувствовалась, было что-то не так. Ее, этой войны, вроде и не было, а в то же время она была во всем: в абсолютном безлюдье на дорогах и близ дорог, в дальних разрывах мин, обезвреживаемых спецмашинами, в тревожной ряби мелких луж, изредка попадавших в пути...

Ехал я не один, ехал с телегруппой из Калининграда.

Группа наша творческая, группа разношерстная, оказалась на удивление дружной, а ведь собралась почти случайно.

К счастью, патологических болтунов среди нас не оказалось, и ничто не мешало вспоминать о прежнем, довоенном Донбассе, где я бывал, начиная с 1961 года, бесчисленное количество раз, где летней порой неделями и месяцами жил у деда с бабушкой, куда приезжал при Хрущеве и Брежневеве, при Андропове и Горбачеве, даже при Ющенке приезжал дважды...

В те приезды всегда грело предчувствие радостных встреч.

А теперь ни в Донецке, ни в какой-то другой точке Донбасса меня никто не ждал. Дед, бабушка, два моих дяди — один раньше, другой несколько недель назад — умерли. Двоюродный брат Юрий сам болел.

Не было у нашей группы и никаких договоренностей с серьезными людьми. И опекунов из руководства непризнанной республики тоже не было. Не выписывал нам никто командировочных удостоверений, не было разрешения на киносъёмку, хотя полный комплект съёмочной аппаратуры Ванечка Козмогорцев — вдумчивый наш мыслитель, а по совместительству превосходный кинооператор и начинающий кинопродюсер — вез с собой.

Но в этой ненужности и неподконтрольности нашего путешествия были свои козыри, свои таинственные и оттого неотступно манящие преимущества.

Как теперь летают и ездят в горячие точки «справные», а если говорить прямо — обласканные всеми властями писатели?

Ясен пень: с охранными грамотами от первых секретарей чиновно-писательских Союзов, с визитками помощников депутатов и даже иногда с телефонами министров. Такие телефоны специально набирают прописными буквами в мобильнике. И телефоны эти принадлежат если уж не министрам обороны, так, на худой конец, хоть министрам культуры.

Ездят, лысо блестя отполированными до блеска головами, ездят, тряся бабыми щеками, ездят с едва заметными ухмылочками на лицах: «Ну, че у вас тут, ребята? Вы нам слегка покажите, как вы тут воюете-дохнете, а мы себе бесконечный пиар из ваших бед смастерим. И в компьютерные небеса буквенными ястребками запустим...»

Но именно оттого, что нас никто не ждал, не встречал и пусть даже только на словах не опекал, — иглышки куражливого нетерпения впивались в шею и в спину.

Однако кураж постепенно уходил. Расстилались покато — похожие на бесконечные черничные поляны — пространственные воспоминания.

Воспоминания перемежались короткими укоризнами: дед похоронен в Донецке, и сходить на его могилу — дело святое. А вот на бабушкину могилу, в городке М-ске, где теперь стоят украинские войска, попасть вряд ли удастся. Хотя...

Можно и туда попробовать сунуться: голова-то уже седая! И хоть таких, как я, в украинскую армию, по слухам, еще как забривают, а если не в армию, так в подвалы «службы бэзпэки» без разбору сажают — можно, не предъявляя российских документов, попробовать с местными жителями, пересекающими границу по своим

нуждам, перейти на ту сторону, открыть невыносимо тяжелую дверь, ведущую в давно проданный дедов дом, сказать слова утешения тем, кто теперь в нем живет...

Потом перебежать через пустырек, зайти в знакомую летнюю кухню, на небольшом садовом участке, сквозь цепкие ветки низкорослых слив и яблонь пробраться в сад, идти по нему дальше, глубже...

На краю сада остановиться, на окрики соседей не отвечать, снова втихаря вернуться к линии разграничения, к условной пока границе, пересечь ее в неохраняемом месте, о котором было читано в Интернете, и назад: то пешком, то на попутках, не объявляя себя никем — проще простого мужика, спокойней шахматиста-второразрядника — добраться до города Донецка, до дедовой невысокой могилы...

«Как доктор! Как доктор Чехов — на Сахалин! Никому никаких командировочных удостоверений, которых у меня просто нет, а у него были, но он их за всю дорогу ни одному Пришибееву не показал».

— Ты что-то сказал?

— Как доктор Чехов, — повторил я автоматически, и мы миновали уже отстроенный и очищенный от весеннего сора, обведенный по контуру дымяком полусгнивших листьев одноярусный Иловайск.

Вдруг джип шатнуло вправо.

Здоровенный, сбитый насмерть, но не размазанный по асфальту и совсем почти не раздавленный, енот лежал посреди пустой дороги.

Скорость у джипа была порядочной, и когда б не енотов полосатый хвост, да еще лежавшая рядом, вывалившаяся в землю и глубоко надкушенная брюква, ни за

*что бы не врезался в память этот, слегка продернутый
пластами дыма поворот дороги.*

Красавец енот!

Нежно-палевый, с хитровато-спецназовской, вымазанной в саже мордочкой, в темных шпионских очках... Видно, перебегал дорогу на задних лапах, выставив перед собой эту самую брюкву: второпях надкушенную, не очищенную и не отмытую от грязи, — как это всегда делают еноты-полоскуны, — крепко сжимаемую при жизни и враз выпущенную из цепких лап после смерти.

Так, наверное, и опочил, бедолага: втягивая в себя сладко-мышинный аромат полей, шевеля пальцами безволосой передней лапы, изрезанной чисто человеческими линиями любви, невзгод и долгой жизни.

Жить хотят все. И чтобы жить спокойно, смерть наблюдать не желают: ни свою, ни чужую, ни вчерашнюю, ни сегодняшнюю, ни завтрашнюю! А тот, кто этого хочет, кто привык представлять свою или чужую смерть, — тот о ней тоже сразу старается забыть...

Енот пропал за поворотом.

Но даже мимолетного взгляда оказалось достаточно, чтобы жизнь его поселилась во мне надолго, чтобы тревожило и тревожило то неочевидное и страшно важное, что происходило с енотом до сегодняшнего рассветного часа: долгая зима, пахнущее чьей-то молодой резкой кровью дупло пятидесятилетнего грецкого ореха, зимний прерывистый сон, а после сна — встреча с ржаво-палевым, некрупным, но неслыханно злым и грызучим азовским волком и следом за этой встречей — долгая отсидка в дупле, затем поиски самки и, наконец,